

— Ничего страшного, я тоже не знаю, — не торопясь ответил Бо Цзянь.

Он повернулся вполоборота и взял со стола коробку шоколадных конфет. Темно-коричневое дерево выгодно оттеняло белизну его кожи. Не спеша развернув упаковку, он подушечкой пальца отправил в рот карамельную конфету. Цзян Хуай не сводил с него взгляда. Бо Цзянь слегка раскусил ее и, опустив глаза, посмотрел на Цзян Хуая:

— Научишь меня потом, ладно?

По комнате разлился приторно-сладкий аромат карамели, смешанный с легкой шоколадной горчинкой.

Бо Цзянь пододвинул коробку к нему:

— Будешь?

— Нет, — отрезал Цзян Хуай.

— Сильные духом не едят сладкое?

Слово «сильные» теперь вызывало у Цзян Хуая лишь глухое раздражение — в голове тут же всплыло прозвище «Цзян Хуайхуай». Сжав губы в тонкую линию, он даже не глянул на коробку:

— Не люблю сладкое.

— А я люблю, — произнес Бо Цзянь.

— Угу.

— ...

Бо Цзянь уже открыл файлы с видеозаписями с камер наблюдения. Цзян Хуай перехватил мышь и запустил один из отрывков. Изображение было достаточно четким, очевидно сделанным в какой-то школе, но на первый взгляд ничего необычного на нем не замечалось.

Не поднимая головы, Цзян Хуай буркнул:

— Что ты любишь — твое личное дело. Главное, не лезь ко мне.

— Цзян Хуай, как по-твоему, что я люблю? — Бо Цзянь тихо усмехнулся.

— Чтобы тобой овладели.

— ...Вот как?

Цзян Хуай косо взглянул на него:

— Председатель, боюсь, я не смогу удовлетворить этот ваш запрос.

Бо Цзянь опустил взгляд:

— Не попробуешь — не узнаешь.

Он мягко накрыл ладонью тыльную сторону руки Цзян Хуая и, согнув пальцы, проскользнул

между его пальцев. Подушечки едва ощутимо, словно дразня, щекотнули слегка влажную от пота ладонь Цзян Хуая.

Цзян Хуай резко повернул голову.

Большой палец Бо Цзяня скользнул по подбородку Цзян Хуая, прошел совсем рядом с нижней губой. У Цзян Хуая мгновенно побежали мурашки по коже:

— Проваливай, мне не интересно с тобой...

— Овладевать — это забава для взрослых, — Бо Цзянь смотрел на Цзян Хуая, и его светлые радужки казались застывшими каплями солнечного света. — Малыш, поцелуемся?

Цзян Хуай осекся. Медленно переведя взгляд на Бо Цзяня, он чеканно произнес:

— Я не люблю такие шутки.

Бо Цзянь не хотел бесстыдно пользоваться преимуществами феромонов.

Он хотел, чтобы Цзян Хуай согласился с чистым разумом, чтобы он осознанно понял, что больше не в силах сдерживать чувства... Пусть даже этот путь окажется довольно долгим.

Настолько долгим, что, возможно, время от времени все же придется прибегать к помощи феромонов.

Щелчок.

Бо Цзянь наклонился и закрыл бесполезную видеозапись, которую только что запустил Цзян Хуай. Открыв другие файлы, он расслабленно сказал:

— Раз уж понимаешь, что это шутка, не нервничай так... Ну как, я был похож?

— На кого?

Бо Цзянь склонил голову набок:

— На Альфу в твоём представлении?

— Ни черта не похож, — фыркнул Цзян Хуай.

— Вот как, — Бо Цзянь протянул руку и взлохматил волосы Цзян Хуая. — Что ж, буду стараться дальше.

Цзян Хуай перевел взгляд на экран компьютера и с безразличным видом сбросил руку Бо Цзяня, теребившую его хвостик.

Бо Цзянь нажал «Воспроизвести».

Запись началась с самого начала: пустой коридор учебного корпуса. Непонятно, какая именно это школа... На табличке возле кабинета значилось: «2-й год старшей школы, 8-й класс». Время в нижнем правом углу — полпервого дня, уроки уже закончились.

Спустя пару секунд в кадре появилась девушка в красно-белой школьной форме. Она остановилась у окна коридора прямо напротив восьмого класса.

Это Четвертая школа. Корпус старшеклассников Четвертой школы.

Цзян Хуай сжал кулаки.

Девушка с минуту оглядывалась по сторонам и, судя по всему, кого-то не обнаружив, замерла у окна. Она явно кого-то ждала. Короткое каре до подбородка, волосы естественного цвета, аккуратно надетая форма — даже широкие спортивные брюки были на месте. Качество видеозаписи оказалось высоким, так что можно было разглядеть ее миловидное, скромное лицо.

Бо Цзянь, похоже, уже видел эти кадры и перемотал запись на три-четыре минуты вперед.

В кадре появился Сун Цзюнь. Он был один: куртка школьной формы расстегнута, на ногах — рваные джинсы. Внешне он выглядел щуплым и хрупким. Поговорив с девушкой пару минут у окна, Сун Цзюнь дружески взял ее под руку, и они ушли вместе, словно закадычные подружки.

Последующие записи показывали одно и то же: Сун Цзюнь, Сун Цзюнь, Сун Цзюнь.

Сун Цзюнь и эта девушка.

Каждый раз после уроков, каждый раз девушка приходила одна, и Сун Цзюнь тоже приходил один.

Цзян Хуай не шевелился.

— Юань Пэйай, учится в одном классе с Сун Цзюнем, — сказал Бо Цзянь.

Цзян Хуай поднял глаза:

— Как ты это выяснил? И когда?

Простая логика. Для Сун Цзюня легчайшей мишенью являлись Омеги-девушки со слабым характером, скромным достатком и не имеющие много друзей. Записи ясно показывали, что Сун Цзюнь часто общался с этой девушкой... Но Бо Цзянь узнал, что одноклассники Сун Цзюня утверждали, будто тот с Юань Пэйай почти не контактирует.

Для выдающегося «примерного ученика» делать подобные вещи было предельно просто: председатель студенческого совета Четвертой школы, его заместитель и даже руководители отделов отлично знали Бо Цзяня.

Бо Цзянь слегка изогнул губы в улыбке:

— Догадался.

Цзян Хуай:

— ...

Бо Цзянь достал из папки лист формата А4 и протянул его:

— Личные данные Юань Пэйай.

Цзян Хуай взял документ. На бумаге была цветная фотография девушки со студенческого билета... Чуть ниже — имя, пол: женский, Омега, дата рождения, успеваемость на прошлых

экзаменах, а также места работы родителей и их контактные телефоны.

Училась Юань Пэйай хорошо, но не лучше всех.

В графе «место работы родителей» значилось скромное: «служащие компании».

Цзян Хуая обдало ледяным холодом от кончиков пальцев до головы.

Он совершил ошибку. Раньше он никогда не считал это ошибкой... Но теперь осознал, что совершил её.

Оставляя мусор снаружи, ты лишь провоцируешь еще более тяжкие последствия.

Ни Ли не станет единственной жертвой. Он фактически потакал мерзавцу.

Цзян Хуай поднял голову:

— Ты связывался с ней?

— Угу.

Цзян Хуай промолчал.

Бо Цзянь, чуть опустив голову, посмотрел на него и не спеша произнес:

— Юань Пэйай сказала... что считает Сун Цзюня очень хорошим человеком. Он угощает ее обедами, зовет погулять и даже рассказал ей о том, с чем столкнулся во Второй школе... Юань Пэйай его искренне жаль.

На тыльной стороне ладони Цзян Хуая вздулись вены.

— Юань Пэйай добавила, — продолжил Бо Цзянь, — что на следующих выходных Сун Цзюнь позвал ее пойти в караоке.

— Караоке-клуб действительно куда удобнее, чем школьная комната секций, — бесстрастно прокомментировал Бо Цзянь.

Цзян Хуай долго хранил молчание. Спустя долгое время он запрокинул лицо и спросил:

— Заявим в полицию?

— Если заявим сейчас, то просто спугнем его, — Бо Цзянь едва заметно улыбнулся. — Сун Цзюнь пока ничего не сделал. Без твоей диктофонной записи полиция бессильна.

Цзян Хуай искажил губы в подобии усмешки, в которой не было и капли веселья:

— Значит, Ни Ли или Юань Пэйай — одной из них придется пожертвовать?

Цзян Хуай не любил попусту сотрясать воздух в разговорах с Бо Цзянем.

Его жутко раздражало спорить с подобными людьми. Рациональный и догматичный, Бо Цзянь ни капли не задумывается о том, кого именно придется «выбросить» за борт; его волнует лишь конечный результат и то, окажется ли он наиболее оптимальным.

Это напоминало классическую дилемму о вагонетке: пожертвовать ли одним ребенком на

запасном пути ради спасения всех пассажиров поезда. Бо Цзянь без колебаний выберет наиболее рациональный вариант.

Но для Цзян Хуая любой выбор означал сводящую с ума вину. Он принимал решение за чужую жизнь, не имея на то никакого права.

Бо Цзянь тихо вздохнул:

— Или пожертвовать еще не появившимся третьим человеком, четвертым... Пока кто-нибудь не согласится принести себя в жертву.

Цзян Хуай на мгновение почувствовал, будто ему не хватает воздуха.

Он опустил голову.

Бо Цзянь без лишнего шума собрал распечатки и закрыл ноутбук.

— На самом деле... — начал он.

— Спасибо, — перебил Цзян Хуай.

— М-м?

— Собрать все эти данные было нелегко... Спасибо, — повторил Цзян Хуай. Не поднимая головы и откинувшись на спинку стула, скрывая выражение лица, он добавил: — Я отдам запись. Свяжусь с Ни Ли... Даже если она против, нельзя ждать, пока этот подонок искалечит еще кого-то, а потом бежать в полицию. Чем мы тогда отличаемся от соучастников?

Бо Цзянь смотрел на Цзян Хуая, и ему захотелось коснуться его хвостика.

Он присел на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне:

— На самом деле можно обратиться в полицию заранее и устроить засаду... Как только Сун Цзюнь переступит черту, его тут же заберут.

Цзян Хуай поднял взгляд.

— Если убедиться, что Сун Цзюнь прочно засядет в изоляторе, не придется переживать, что он обнародует снимки Ни Ли, — продолжал Бо Цзянь. — Когда его задержат, ты передашь запись, попросишь Ни Ли дать показания... И Сун Цзюнь до самого освобождения не увидит ничего, кроме стен изолятора, суда и колонии.

— Что касается фото, — добавил Бо Цзянь, — их удалением пусть занимаются полицейские.

Цзян Хуай:

— ...

— И так тоже можно? — спустя долгую паузу спросил Цзян Хуай.

— Угу.